

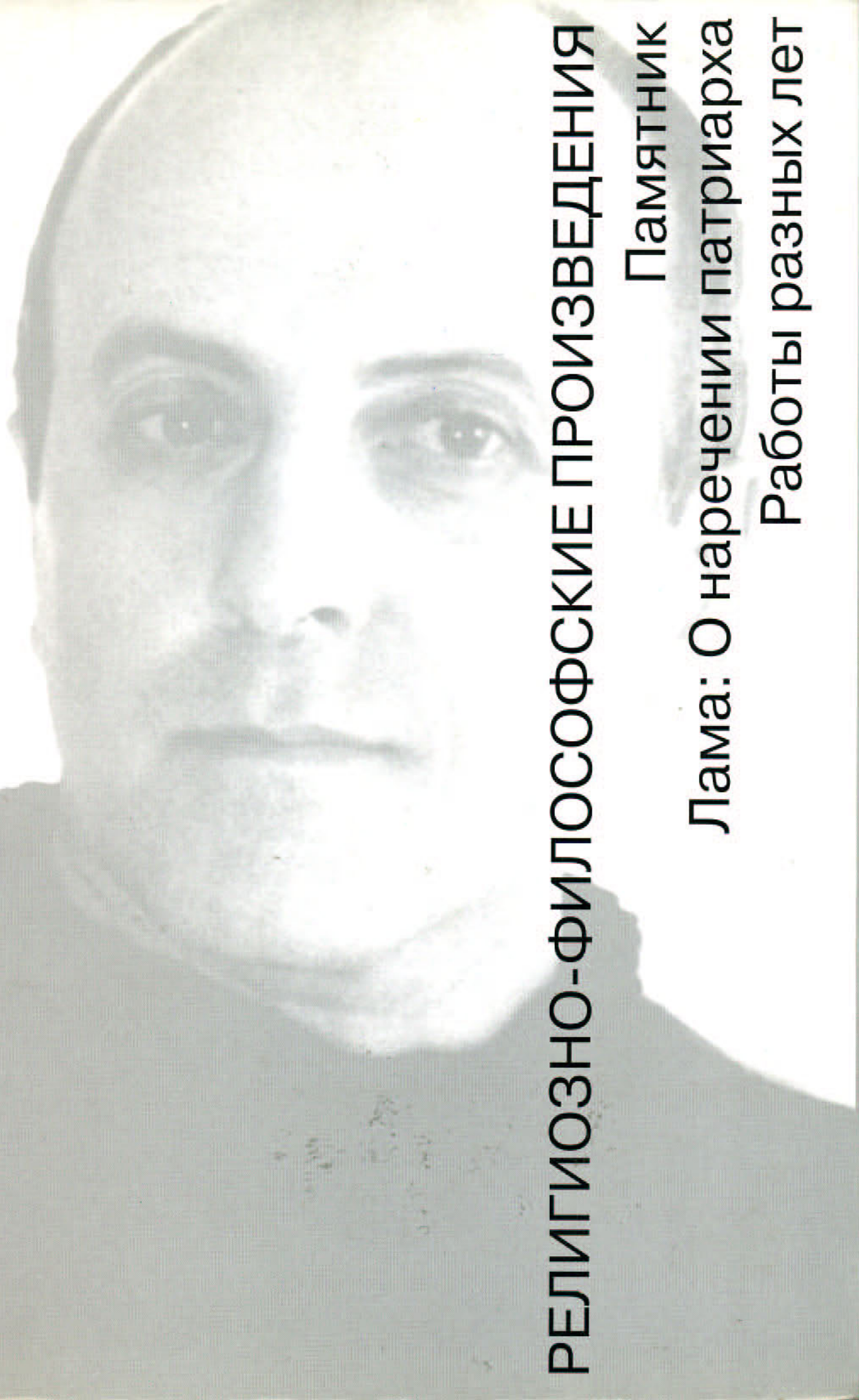
ШОФЕР

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Памятник

Лама: О наречении патриарха

Работы разных лет

НАСЛЕДИЕ ЕВГЕНИЯ ШИФФЕРСА

Евгений Шифферс

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Памятник

Лама: О наречении патриарха

Работы разных лет

УДК 111
ББК 87.3(2)6
Ш65

Редакционный совет по изданию наследия Е.Л. Шифферса

О.И. Генисаретский, Ю.В. Громыко, Л.М. Данилина (председатель),
М.Ю. Оганисьян, В.Р. Рокитянский, Е.Е. Шифферс, М.Е. Шифферс

Составление и общая редакция

В.Р. Рокитянский

Вступительная статья

О.И. Генисаретский

Дизайн

С.И. Серов

Настоящее издание стало возможным благодаря финансовой поддержке Г.О. Павловского. Финансовую помощь в подготовке наследия Е.Л. Шифферса к изданию также оказали С.М. Бархин, О.Н. Гавриленко, О.И. Генисаретский, А.С. Кривов, М.Я. Макаренко, В.В. Малявин, Г.И. Маневич, М.Ю. Оганисьян, ООО «Орфографика», А.Р. Рокитянская, В.М. Слуцкий, Э.Д. Траковская, В.И. Хэтчер (Генисаретская), Э.А. Штейнберг, Р. Эйзлвуд.

Шифферс Е.Л.

Религиозно-философские произведения — М.: Русский институт, 2005. — 656 с., ил.

ISBN 5-98379-041-2

Собрание религиозно-философских произведений замечательного театрального и кинорежиссера, писателя, религиозного философа, мистика Евгения Львовича Шифферса (1934–1997) включает в себя произведения разных жанров, написанные в период с конца 1960-х гг. по 1995 г.

УДК 111
ББК 87.3(2)6

© Л.М.Данилина, 2005
© В.Р.Рокитянский, 2005
© О.И.Генисаретский, 2005
© Русский институт, 2005

Оглавление

От издателей 7

О.Генисаретский. Читая Шифферса 9

Памятник 25

Вслушивание. Время славянофильствует 29

В поисках утраченной памяти 63

Пространство 80

План к будущей монографии 93

Маковец 98

Лама: О наречении патриарха

(материалы частного расследования) 123

Аргушти: О поведении царей 127

Библиотекарь: Самоубийство 160

Акума: Россия 191

Работы разных лет 1968–1995 243

Обрезанное сердце 245

Богооставленность 345

Введение в богословскую проблематику 400

В каком пространстве мы находимся? 444

Русское море 462

Беседа о храме 488

К 1000-летию Крещения Руси 513

Ложный оптимизм П.А.Флоренского 519

Путь (опыт магического искусства) 523

Выступление в Доме Кино 572

Путь Евгения Шифферса 574

Содержание

1. Вслушивание. Время славянофильствует.*
2. В поисках утраченной памяти.
3. Пространство.
4. План к будущей монографии.
5. Маковец.

Величественные картины происхождения человеческого рода, рассеяния народов и их распространения по земному шару свидетельствуют о том, как люди

з а б ы л и

свое прошлое и, заблудившись, создали множество различных объяснений своего происхождения, – все это либо полные глубокого смысла символы, либо просто гипотезы.

Карл Ясперс

Этот текст, если ему суждено хорошо записаться, при налично-фиксируемой повествовательности будет иметь странную форму перечислений развернутого плана работы или программы исследований. Невозможно (визуально) перед каждой фразой ставить цифры 1, 2, 3, 4 и т.д., – но внутренне такое перечисление идет и не следует обманываться связностью повествования: возможны и даже необходимы частные исследования и экскурсы, свернуто присутствующие в перечислениях. Сложность записываемого состоит еще и в том, что порождаемый текст должен (по интуиции) как бы дискурсивно описать

* См. продолжение «Поиск архитектурных форм, сокрытых в гениальных русских стихах», которое могло бы быть названо «Время евразийствует» (1983 г.), «Detectio. Всадник» (1984 г.).

некий визуальный объект, с большей или меньшей степенью ясности встающий перед внутренним зрением, — по сути надо бы сделать макет коллективом исследователей и специалистов в частностях под руководством Помнящего, а потом уже этот явленный «визуальный подлинник» истолковывающе описать, — тогда как мы будем описывать или приближаться к описанию лишь внутренних предвидений, правда, всегда стараясь помнить, что наилучшим методом было бы осуществление макета-памятника, вокруг которого ведутся комментирующие и понимающе-истолковывающие разговоры. Почти непреодолимая сложность состоит в том, что парадоксальным образом «визуальный объект» пуст, возникает в лоне Пустоты, а явиться ему суждено как бы в пространственно-временной расчлененности. Но, — «ищущий да обрящет»!

ВСЛУШИВАНИЕ. ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ

Начнем с приведения некоторых цитат из прежде живших и нечто, как кажется, относящееся к нашей программе, уловивших (при вслушивании в Пустоту). Набор зафиксированных слов должен убедить нас до возможного незабываемого понимания в правильности суждений обрусевшего немца по крови и философа по привязанностям Владимира Эрна, что время действительно славянофильствует: в раскавыченном виде название его статей взято в оглавление §1. После цитат должно последовать неторопливое вменение того, что эти, столь разные по внешним признакам человеки, утоляли духовную жажду из **о д н о г о** **п о т о к а**. Для нас это прослушивание должно играть роль **н а с т р о й к и**, ибо, если мы, столь разные по внешним признакам, не сумеем вдохнуть хоть влажного воздуха около **и х** **и с т о ч н и к о в**, то есть не сможем хотя бы приблизиться к уровню **и х** **б ы т и я** **к а к** **в с л у ш и -**
в а ю щ и х с я в говорящую или молчащую к ним Тайну, но останемся неизменными в своем наличном горизонте, наши контуры, наши **в н у т р е н н и е** **о р г а н ы**, будут радикально иными, и мы будем воспроизводить лишь собственные шумы, накладывающиеся на их слова. Не для оправдания нашего наличного состояния ссылкой на «авторитеты», которые мы обращаем в своих слуг, но для прослушивания символов говорящей Тайны, чтобы не лукаво узнать в себе хоть какое-то приближение к **в о с п о м и н а н и ю**, узнаванию. Культивируя в себе «пафос дистанции», все же скажем вместе с М.Цветаевой: «Все мое писание — вслушивание. Отсюда — чтобы писать дальше — постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь — некая мелодическая или ритмическая кар-

тина ее — точно вещь, которая вот сейчас пишется (никогда не знаю, допишется ли), уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстанавливаю...»¹.

Цитаты будут приводиться как бы для подобного п е р е ч и т ы в а - н и я, ибо, повторим, есть предчувствие, что упоминаемые о п и - с ы в а л и уловленную в иных ритмах ткань как уже существующую, внимали излучениям этого существующего, настраивались до смертной переделки всех органов-приемов по парадигме пушкинского «Пророка», как бы уничтожали замутняющий ре-трансляцию контур «я», чтобы з е р к а л ь н о, без ряби возмущения, отразить тонко работающим э х о л о т о м у ж е таинственно ткущееся. Поэтическая «радиолокация» улавливает («зондирует») какие-то объекты, обычными средствами наблюдения не фиксируемые. В процессе, описывающем радарный поиск, можно отметить как бы два шага: критику наличной практики и, второе, описание переделки-перестройки с уловлением, уже на самобытных частотах, существующего в пространствах «сверхкоротких волн». Приступим к перечитыванию:

АЛЕКСАНДР ПУШКИН: «... у нас нет еще ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует»².

ИВАН КИРЕЕВСКИЙ: «Между тем, как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилom их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества»³.

ИОСИФ БРОДСКИЙ: «Теоретически, достоинство нации, униженной политически, не может быть сильно уязвлено замалчиванием ее культурного наследия. Но Россия,

в отличие от народов счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т.п., в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнивания к несуществующим трудов даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению против будущего нации»⁴.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат к уразумению эпох-организмов во времени и народов-организмов в пространстве»⁵.

«...дело-то в том, что как искусство, так и критика искусства подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая — разъяснение отражения. Законы, которыми отражение разъясняется, извлекаются не из отражения, всегда как явления более или менее ограниченного, а из существа самого идеального... между искусством и критикой есть органическое родство в сознании идеального, и критика потому не может и не должна быть слепо историческою, а должна быть, по крайней мере, стремиться быть столь же органическою, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает плоть и кровь искусство»⁶.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ: «...мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, — точно так, как мы не могли [бы] носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную,

родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»⁷.

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: «Вера у нас греческая издавна; государственность со времен Петра почти немецкая (см. жалобы славянофилов); общественность французская; наука до сих пор общеевропейского духа... Я не вижу еще того страстного русизма, которого желал бы видеть в жизни своих сограждан... у нас слишком еще мало своих смелых мыслей; своего творчества, своей, скажем вообще, культуры»⁸.

«Что он несет в своих недрах — этот колосс, доселе только эклектический колосс, почти лишенный собственного стиля? Готовит ли он миру действительно своеобразную культуру? Культуру положительную, созидающую, в высшей степени новую единую и новосложную, простирающуюся от Великого Океана до Средиземного моря и до западных окраин Азии, которые зовутся теперь так торжественно материком Европы... смысл слова Европа есть смысл исторический, т.е. место развития или поприще особой, последней по очереди культуры, сменившей древние предыдущие культуры, романо-германской. Представим ли мы, загадочные славяно-туранцы, удивленному миру культурное здание, еще не бывалое по своей обширности, по роскошной пестроте своей и по сложной гармонии государственных линий... Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!»⁹.

(вот, собственно, созданием макета культурного здания, еще не бывалого по своей обширности, нам и следует заняться в игрово-исследовательском проекте).

ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ: «Сущность той жизненной правды, которая противопоставляется древне-русским религиозным искусством образу звериному, находит себе

исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древне-русском храме в его целом. Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь. И именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противоплагается факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты. Нам предстоит проследить здесь развитие этой темы в древне-русском религиозном искусстве. Здесь мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществленную еще надежду всей твари. В мире, в котором мы живем, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма. И поскольку храм олицетворяет собою иную действительность, то не б е с н о е б у д у щ е е, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло...»¹⁰.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ: «Утверждение жизни и смерти в „Элегиях“ становится единством. Признать одну без другой, как это выявляется и торжественно утверждается в „Элегиях“, в конце концов только ограниченность, исключаящая все бесконечное. Смерть — это лишь другая, невидимая и еще не освещенная нами с т о р о н а ж и з н и. Мы должны попытаться достигнуть высшего сознания нашего бытия, которое у себя дома в о б е и х н е р а з г р а н и ч е н н ы х м е ж д у с о б о й о б л а с т я х и питается из не исчерпаемого источника о б е и х... Истинная жизнь простирается на обе области, большой круг кровообращения проходит через обе: нет ни того, ни этого света, но лишь о д н о о г р о м н о е е д и н с т в о, в котором пребывают стоящие над нами существа, „ангелы“... „Элегии“ и рисуют нас в этом деле, в деле непрестанного превращения

любимого видимого и осязаемого мира в невидимые вибрации и возбуждения нашей природы, вводящей новые частоты вибраций в вибрационные сферы вселенной (а так как всякие виды материи во вселенной суть лишь различные проявления вибраций, то мы, таким образом, готовим не только интенсивности духовного рода, а, кто знает, может быть новые тела, металлы, звездные туманности и созвездия). ...Ангел „Элегий“ — создание, в котором превращение видимого в невидимое, осуществляемое нами, уже совершилось»¹¹.

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: «Свою жизненную задачу Флоренский понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению. Основным законом мира Ф. считает принцип термодинамики — закон энтропии, всеобщего уравнивания (хаос). Миру противостоит закон эктропии (логос). Культура есть борьба с мировым уравниванием — смертью. Культура (от „культа“) есть органически связанная система средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, которая принимается за безусловную и потому служит предметом веры. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура»¹².

Еще раз РИЛЬКЕ: «„Видите ли... людей испортило чтение карт. Там все плоско и ровно, и когда нанесены четыре стороны света, людям кажется, что все уже сделано. Но ведь страна — не атлас. В ней есть горы и низины. Она должна упираться во что-то вверху и внизу“. „Гм... — задумался мой друг. — Вы правы. Но с чем же может граничить Россия с этих двух сторон?“ Вдруг больной стал совсем похож на мальчика. „Вы это знаете!“ — вскричал я. „Может быть — с Богом?“ — „Да, — подтвердил я, — с Богом“»¹³.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта».

«В жизни слова наступила героическая эра. Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время может пожрать государство... **Говорят, что причина революции — голод в междупланетных пространствах.** Нужно рассыпать пшеницу по эфиру»¹⁴.

Читателю, проявляющему интерес к проблемам и вопрошаниям культуры, с почтением цитированные «авторы» известны. О многих из них написаны и пишутся серьезные исследования (пожалуй, только князь Евг. Трубецкой не столь известен), ознакомление с которыми предполагается в нашей работе. Оно (знакомство с частными исследованиями) должно служить основой, дающей возможность нам соблюсти и «пафос дистанции», и, все же, подчеркнуть некую своеобразную **т о н а л ь н о с т ь** и интонацию наших исследовательских интересов. Боярский отпрыск с курчавой головой африканского божка-тотема; бедный офицер, забежавший в опыт смерти, а потом спеленутый каторгой в одинокое взросление идиота и эпилептика; бешеный барин и дипломат, по обету, данному в смертной истоме Божьей Матери, постригшийся в монахи и находящийся в послушании у старцев, благословивших безумные историософские споры с Соловьевым; арийский отшельник, осознавший и исполнивший творческий обет как монашеский постриг и слова, настигающие его, превративший в чтение «часов» часослова; гордый и нищий иудей по крови, отринувший праздник отцов ради вознесения слова и в небесные миры, и в пращу Давида, сокрушившую ассирийца; пьяница-гитарист, с уникальным самосознанием критика; тихий юноша умирающих дворянских усадеб, знакомый с Гегелем, и в свой черед склонившийся пред волей старцев, — все эти столь разные по внешним признакам люди кажутся нам кровными родичами, **к л а н о м**, охваченным **в д р у г** испепеляющей ответственностью за **в с е л е н н у ю**. И, почти как итог: математик, музыкант, историк культуры, принимает таинство священства, чтобы остановить у Престола **с м е р т ь**. Да, они лично, тайно, одиноко почуяли, что каждый их вздох, каждая мысль **ч т о - т о** меняет в вибрациях вселенной: голоса умерших, или голоса ангелов, или даже голос Бога, хотят они услышать,

выдержать, стоя на коленях, чтобы в о с - п р о и з в е с т и, чтобы в долгом, в идее, ни на час не прекращающемся часослове, все вспомнать, все преобразить, все спрятать в Невидимое, пайщиками которого они себя остро (и неожиданно, шквально) опознали. Ничто из окружающего не говорило об этом странном, пугающе странном, е д и н с т в е. Ну, скажем в символах Книги, если не а д а м и т ы, то н о а х и т ы. Да, мы хотели подчеркнуть в этой компании, кажущейся нам достаточно сумасшедшей, а в этом подчеркивании и прояснить своеобразие интонации, — их с в я щ е н с т в о, «антропологическое священство»*, их опознание человека как человека с в я щ е н н и к о м б ы т и я. Не по «хиротонии» католиков или православных, не по роду иудеев, а по самому имени ч е л о в е к а, вдыхающего и выдыхающего мысли, чувства, и вдохом и выдохом что-то м е н я ю щ е г о во вселенной, связанной с ним родовыми узами.

Европейская наука к моменту вопрошаний Пушкина уже сформулировала науку о «физической», независимой от к а ч е с т в а присутствия человека-в-мире, вселенной, существующей по каким-то своим законам. Странно, как это могло произойти? Каким образом ч е л о в е к, в культуре римско-византийских рецензий на Новый Завет, был лишен своего бытийного статуса ответственного т в о р ц а и с в я щ е н н и к а? Быть может это произошло из-за фиксированного внимания на «папстве», «епископстве», или предопределенности в замысле о бытии одних к спасению, других к осуждению, по кальвинизму? Или иудейскому (осознанному или неосознанному) презрению к иным как гоям, ни на что не годным? Как? Как человек по имени человека был лишен своего «экологического» статуса в широком и глубоком смысле охранника и преобразователя бытия?

... И эти кончиной

Живущие вещи твою понимают хвалу,

Преходящие, в нас, преходящих, они спасения чают.

*«адамическое священство» как оно изображено в иконе «Сошествие во Ад» → Адам и Ева, Авель и Даниил, Моисей и Предтеча, цари и т.д. «Род» Адама идет за Гробом из Ада → за Иисусом → к Отцу —

«ПАСХА», исход. Эти «ветви рода» находят на земле «цветок-из-почвы».

Кто бы мы ни были, в нашем невидимом сердце,
В нас без конца мы обязаны преображать их.

Не этого ли, Земля, ты хочешь? Невидимой в нас
Воскреснуть? Не это ли было
Мечтой твоей давней? Невидимость! Если не преображенья,
То чего же ты хочешь от нас?
Земля, я люблю тебя...¹⁵

Почему эти слова «серафического доктора», как его называла умная княгиня, и до сей поры «европейцам» кажутся в лучшем случае поэтическими изысками? И разве же не близнецы «пророки» Пушкина и Рильке, внимающие Голосу, исторгающему сквозь них плавающую лаву камней-слов? И как нам быть с этой информацией о нас самих? Ибо истолкование смыслов, уловленных поэтом в состоянии «пророка», невозможно даже для него же, когда он в ином, житейском, состоянии: «... И мне ли подобает давать истинное толкование „Элегий“? Они бесконечно превосходят меня», — так напишет Рильке (в состоянии «пишущего письмо», но не житейски-мертвого, ангелами переделанного «пророка», вслушивающегося в Голос Бытия), и эта запись свидетельствует о серьезности. Гениальность, как у р о в е н ь б ы т и я, как некое «тело», возвращенное внутри всеми наблюдаемого «физического тела», имеет свою форму, и, по-видимому, явление ее неукоснительно связано с переживанием смерти как порождающего лона: гениальность, как уровень более тонкого бытия, как «тело» р о ж д а е т - с я при переживании е д и н с т в а жизни-для-смерти. Только обретя состояние «как труп в пустыне я лежал», можно и обрести о р г а н и з м, который скажет потом о себе «и Бога глас ко мне воззвал», — уловленное в таком состоянии бытия и п е р е в е - д е н н о е на язык житейских, как п и с ь м о, как п а м я т к а, воспринимается как «бесконечно» высшее наличного состояния, для житейских, быть может, кажущееся с - у м а - с ш е с т в и е м, а для пережившего подобную б е р е м е н н о с т ь смерти иным «телом» безусловной реальностью. Столь мощной, что он уже не может и не хочет возвращаться в «мир живых»: он обрел какую-то п а м я т ь; то, что живые, как живые-только-здесь-и-теперь з а б ы в а ю т, теряя память, делая себя, с позиций обретенного

знания, в свой черед без-умными, ибо «потерять память» и «быть безумным» почти синонимы:

И этою дорогой шли они...
Шла рядом с богом между тем она,
Хоть и мешал ей слишком длинный саван,
Шла неуверенно, неторопливо.
Она в себе замкнулась, как на сносях,
Не думая о том, кто впереди,
И о пути, который в жизнь ведет.
Своею переполнена кончиной,
Она в себе замкнулась.

Как плод созревший — сладостью и мраком,
Она была полна своею смертью,
Своею непонятной, новой смертью.
Вторичным девством запечатлена,
Она прикосновений избегала.
Закрылся пол ее. Так на закате
Дневные закрываются цветы.
От близости чужой отвыкли руки
Настолько, что прикосновенье бога
В неуловимой легкости своей
Болезненным казалось ей и дерзким.
Навеки перестала быть она
Красавицею белокурой песен,
Благоуханным островом в постели.
Тот человек ей больше не владел.

Она была распущенной косою,
Дождем, который выпила земля,
Она была растраченным запасом.

Успела стать она подземным корнем.

И потому, когда внезапно бог
Остановил ее движеньем резким
И горько произнес: «Он обернулся», —
Она спросила удивленно: «Кто?»...¹⁶

Мифема об Орфее, Гермесе и Эвридике, согласимся удивленно, получила в этой записи уникальное истолкование: смерть стала для нее «сносями», родилось иное, «девственное» существо и претензии «того человека» показались излишними. Пока Орфей пел в загробных селениях, чтобы увести ее оттуда, он, видимо, и сам еще не п р о з р е л, но вот теперь, когда они трое шли, он у л о в и л ее и н ы е и з л у ч е н и я, и: ОБЕРНУЛСЯ, чтобы оставить ее там, чтобы рассмотреть ее новую, чтобы теперь уже не различать единства целого мира. Поэт осознал свой акт. Итак: трудность постижения информации, добытой в засмертной радиолокации иных «вещей», связана с потерей п а м я т и. Во времена наших «пророков» это забвение приобрело уже и устрашающее качество: если ранее, как кажется, все же помнили о том, что «забыли себя», то с е й - ч а с з а б ы л и о з а б в е н и и с е б я, как «сон во сне». Если для Египта, для фараона, как «отца» страны, наиважнейшим делом было строительство п а м я т н и к а - н а д г р о б и я, некоего м у з е я любимых вещей, запакованных в пирамиду для переноса в загробные измерения, чтобы там, в блаженном «там», воссоздать в Невидимом «Царство Египет», со всеми большими и малыми, но любимыми, мелочами, если фараон еще помнил себя творцом и священником Египта по причастию п а м я т и - о - ч е л о в е к е, то Леонтьев с ужасом увидел порождение странных «людей в пиджаках», «средних европейцев», уравнивающих в пыль все прежде [существовавшие] культуры, превращающих «пирамиды» или в пыль музеев, для н а ш е г о р а з в л е ч е н и я, или в туристский каталог, опять-таки для нас, отдыхающих! Памятники культуры как бы перестали быть п а м я т к а м и, напоминанием о, как минимум, «двойном бытии», и с забвением о забвении себя превратились в туристский комплекс, в дизайн для отдыхающего дельца. Мощь работы Федора Достоевского в этом контексте трудно переоценить: он записал информацию о том, что подобное забвение связано с необычной «моровой язвой», с тем, что в людей вселяются странные микроскопические существа, наделенные волей, и д в и ж у т людьми, как марионетками, как р о б о т а м и, тогда как людям именно в эти жуткие, болезненные, эпидемические времена с маниакальной ясностью кажется, что они достигли предела власти и свободы, что никогда они не были «так сильны», — таков с о н Раскольникова — РОДИНЫ РОМАНОВА, — и если помнить,

что русский всегда «всечеловек», то в с е ч е л о в е к а , «среднего европейца». И в самом деле: человек не помнит себя (Гюрджиев начинал свои пробы с этого буддийского упражнения)¹⁷; уже теперь не помнит, что он не помнит себя. Можно предположить, что на предложение «истолковать» символику, или точнее, священную иероглифику пространств романов, Достоевский бы ответил словами Рильке: они бесконечно выше меня, — чтобы их истолковывать как к р и т и к у в системе органической критики, надо вновь погружаться туда, где диктуют, но не в качестве художника, улавливающего синтетические образы, но в качестве а н а л и т и к а . В одном лице это трудно достижимое обретение, ибо подобное с о - е д и н е н и е дает уже как бы третье «тело», контролирующее еще более тонкие вибрации, дающее рождение в еще более тонких пространствах: смерть гения беременеет «телом» осознанного п у т н и к а , или аскета. Художник обычно не является таковым, хотя т в о р ч е с т в о может стать, по-видимому, п у т е м к пробуждению от забвения, от гипнотического сна, ибо там, где е с т ь п а м я т н и к - п у т ь , там всегда на «своем месте» есть и гениальное искусство. «Ему грезилося в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу*. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые т р и х и н ы , существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были д у х и , о д а р е н н ы е у м о м и в о л е й (разрядка наша). Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе.

* «сионизм»”?

Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса», — трихины «Преступления и наказания» уже очень скоро в радиолокационной разведке будут опознаны Достоевским как «бесы», — уникальное свидетельство соименного с этими существами романа, с эпиграфом из Пушкина, показало, что человеческая история в значительной степени определяется в н у ш е н и я м и* иных существ, о существовании которых независимая «физическая» вселенная современной науки, в своей гордой автономности человеческого существования как вершины эволюции от животных, уже забыла, или даже считает «донаучными суевериями» непросвещённых дикарей¹⁸. Зараженные беснованием «пятерки» начнут раскачивать Россию планомерными зверствами, и самозванец покончит самоубийством в соблазне стать «как боги». В пространстве романа будет угадана уже и фигура Тихона, «епископа на покое», — епископа, снявшего омофор и ушедшего в келью, епископа, знающего в себе о существовании некоего старца, мудрость которого выше даже его, Тихона, понимания, — к этому с т а р ц у в п о с л у ш а н и е приглашал Тихон Ставрогина, чтобы излечить больные ум и волю. Так стала виться тропка к «Братьям Карамазовым», где старчеству,

* объединение, которое «тайно» могло бы создать лучистое оружие по облучению-впечатыванию программ типа «трихин», могло бы поработать другие объединения без «физического» оружия.

как врачеванию беснующейся страны, отданы нежнейшие страницы. В пространстве романа, как и е р о г л и ф е вселенной, уже дана и неусомневающаяся историософская модель «Легенды»: одни, те, кого Инквизитор дела Тайны Завета называет избранными и почти уж и не людьми, строят вместе и на Краеугольном Камне

Г Р А Д Б О Ж И Й,

и другие, которых этот слуга Умного Духа Небытия считает собственно людьми, а потому (по определению) ничтожными, слабыми бунтарями, под водительством иерархии строят

В А В И Л О Н С К У Ю Б А Ш Н Ю.

Уникальность предсказания и угадывания романа состоит еще и в том, что обычно в традиционной письменности экспертов пневматологии, знающих о «Невидимой Брани», этой своеобразной оккультной или парапсихологической войне, которая ведется между Врагом и Царем, а «поле битвы сердца людей», описывается техника «борьбы с помыслами»¹⁹, диагностика отравляющих облучений, способы залечивания ран и т.д., то есть показываются люди, «до крови» старающиеся бороться, а монастыри были и училищами, военными училищами, и госпиталями, тогда как Достоевский показал ф и г у р у, о с о з н а н н о вступившую в контакт с Врагом, осознанно поднявшуюся против Царя, спокойно и даже по-своему торжественно сказавшую, что мы давно «не с Тобой, а с ним, вот наша тайна». Парадоксальным образом инквизиция строится на обвинении Царя в том, что Он слишком в ы с о к о задумал людей, что они не таковы. Замечательная позиция м и н и м а л и з а ц и и замысла о человеке как человеке. Человек низводится на уровень ниже среднего, его совесть и тяготы берутся на себя вождями, знающими тайну, — какие-то растленные и испорченные д е т и! Без-ответственные. Получается (в традиционной модели Книги), что искупления, исправления состояния падшести не произошло после Св. Креста? Человек и после Нового Завета о Царстве как бы н и ч е г о н е м о ж е т

т в о р ч е с к и с т р о и т ь*,

не годится в сотрудники Царю, не годится о с у щ е с т в л я т ь замысел Завета о Царстве, о Новом Небе и Новой Земле, которые он

* Господь НЕ совершил Сошествия во АД, и «адамиты» НЕ пошли с Господом из Ада к Отцу, в землю обетованную, т.е. НЕТ «ПАСХИ»!

призван вместе с уникальным Творцом **сотворить**, которые без его со-участия не будут со-творены. Согласимся, не сглаживая, а заостряя углы, что таковой вселенной и таких замыслов уже давно не было на «Западе», наука, политика и ученость которого, по Пушкину, прививалась молодому народу.

В исследовательской работе, занимающейся **т е к с т а м и** в широком контексте, надо отмечать **р а д и к а л и з м** иероглифов, — различие может дать на большей глубине и сходство, и диагностику болезни. Скажем, св. Симеон Новый Богослов, уже не в «болезни» Раскольникова, но в наставительных, **л е к а р с к и х** словах к собравшейся в госпиталь монашеской братии, говорит: «Если же не войдет в кого божественный свет, то он устами будет произносить или читать молитву, и ушами слушать, а ум его будет оставаться бесплодным; и не только это, но он не будет стоять на одном, а будет кружиться там и сям, и помышлять о том, о чем не подобает, держа притом ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чем думает, и позаботиться о том, в чем прельщается, не понимая, что состоит в сие время рабом **м ы с л е н н о г о т и р а н а** **д и а в о л а**, и им **м ы с л е н н о** влачим бывает туда и сюда. Тем-то и бедственна и пагубна эта болезнь, что тогда как враг мой влачит туда и сюда мой собственный ум, я думаю, что все эти кружения моего ума, все эти заботы и попечения суть мои собственные и неотложно необходимы для меня. Вот первая и величайшая из всех болезней душевных, для уврачевания которой, как первейшей, худшей и сильнейшей всякой другой болезни душевной, надлежит нам подвизаться до пролития крови»²⁰. Св. Симеон жил в начале XI века, накануне схизмы Рима и Византии. Европейское развитие (в основном) пошло в рецензии католической версии Нового Завета «почвой» народов (греко-римской древностью) с какой-то вакцинной еврейства. Здесь в наибольшей степени вызрела идея «свершения в прошлом», при минимализации вселенской ответственности человека за Град Божий на Новом Небе и Новой Земле: епископ Рима считается «преемником Петра», сам Петр — «вершиной апостолов», апостолы же «умерли»... Когда Лютер поднялся против папы, будучи доминиканским монахом, то есть, по-видимому, мыслившим все в тех же парадигмах «свершения в прошлом», а не в **п р е д с к а з а н и я х** **о б о с у щ е с т в л я е м о м** **с в е р х - б у д у щ е м** («верующий в Меня, дела, которые Я творю, сотворит, и **б о л ь ш е**

сих сотворит»), то он свел влияние ума и воли человека на судьбу Вселенной до минимума, ибо все уже осуществлено в «уме» Творца еще даже «до» призыва твари. Вакцина еврейства сводилась к идее «гоев». Но вся беда в том, что человек по имени человека, даже в смертной униженности своей, не может отказаться от творчества, — так он начинает творчески строить и иллюзию реальности, или Вавилонскую Башню, свою собственную тюрьму, где он заточен в болезни, где его постепенно высасывает Враг-Паук.

Не стоит обольщаться и думать, что наставления Св. Симеона Нового Богослова, обращенные к «греческой ветви», были услышаны и приняты к практике епископатом, который крестил Русь в близкие сроки. Нет. Россия росла и выросла в массе своей не в идеях Нового Богослова, но в идеях все того же, правда несколько смягченного, фундамента «свершения в прошлом», ибо обосновался опять-таки авторитет епископата как преемников умерших апостолов. И это в православии, где мощно засвидетельствовано литургической практикой пребывание Св. Марии и «по успению живой», и таинственно знается о «пребывании» Св. Иоанна Богослова. Достоевский, конечно же, не пересказывал в снах Раскольникова текст Св. Симеона, нет, — и тот, и другой, в разной степени ясности, прикасались в пограничные, переломные моменты вселенского строительства к излучениям Реальности, — святой создает иконический абрис, а гений вселенской всеотзывчивости, и ероглифический. Парадоксальным образом свидетельство гения в чем-то убедительнее, быть может потому, что врачующий желающих исцелиться не сосредотачивает внимания на пришедших «причастие буйвола», а гений ретранслирует уловленное и вскрывает как бы корень болезни, отыскивает слова, являясь носителем слов-имен, и высказывает суждение о минимализации человеческого творчества, меняя все местами. Но, как говорят эксперты, Дьявол лишь обезьяна Бога, — он может внушить людям сознание гордости и значительности в их «земных успехах», отвлекая их мысль от гигантского замысла соучастия в строительстве Нового Неба и Новой Земли, строительстве Града, духовными камнями которого они могут осуществиться. Грандиозный замысел предлагает человеку парадоксальным образом осуществить самого себя, создать